

Землевладение и землепользование по обычному праву у коренных народов Нижнего Амура и Приморья во второй половине XIX – начале XX веков

The landed property and land tenure by common law at aboriginals of the Primorye and the Priamurye in the second half XIX and the beginning XX centuries

Хозяйство аборигенов Нижнего Амура и Приморья, его организация и особенности промыслов сложились на местной дальневосточной основе. Исследователи относят его к хозяйственно-культурному типу рыболовов, охотников и собирателей больших рек, обладающему комплексным, натуральным характером. В юридической науке в понятие собственности включаются следующие три составляющие: владение, пользование и распоряжение. В настоящей статье автор рассматривает реализацию данного принципа по нормам обычного права на примере традиционного промысла народов Приамурья и Приморья, что напрямую связано с вопросами распределения земельных, рыболовных и охотопромысловых территорий среди аборигенов к моменту прихода русских на юг Дальнего Востока.

◆
The aboriginals' of the Primorye and the Priamurye economy is formed from local Far Eastern base. It is reputed to be the economic and cultural type of great rivers' fishers hunters and collectors possessing by complex natural character. There are three components of notion property in Jurisprudence, they are: ownership, use and command. In this article author views the present principle's realization according to common law by the example of aboriginals' of the Primorye and the Priamurye traditional trade.

Актуальность проблем экономического и правового развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМНС) определяется этническими, научными интересами российского общества и государственной потребностью в практическом разрешении этих проблем.

Особый интерес представляют народы тунгусо-маньчжурской группы Нижнего Амура и Приморья, а также и палеоазиаты (нивхи) этого региона, проживающие в сходных природно-климатических условиях, относящихся к одному хозяйственно-культурному типу. КМНС имеют общность в языке (за исключением нивхов), и традиционно-бытовой культуре и хозяйственной деятельности. До настоящего времени по КМНС, указанного региона, отсутствуют теоретические разработки проблем нормативного регулирования форм общественно-экономических отношений. В силу географической изолированности народов Дальнего Востока, неразвитых социально-экономических связей и слабых этнокультурных контактов между охотопромысловыми, скотовод-

ческими и земледельческими народами, социальная организация у малочисленных народов Приамурья и Приморья сохранялась значительно дольше, чем у большинства других народов России. Поэтому исследование правовых основ социально-экономической жизни коренных народов Приамурья, Приморья и других регионов Дальнего Востока является актуальным.

Коренные народности Дальнего Востока не знали над собой государственной власти до включения их в состав российского государства. Но, тем не менее, поступки человека регламентировались нормами обычного права и родовыми традициями, которые всегда имели «силу неписаного закона»¹. Этнографические материалы позволяют в той или иной степени воссоздать картину общественно-экономического устройства народов юга Дальнего Востока ко времени прихода русского населения. Исходя из этих данных, можно предположить, что все малые народности, находясь на стадии первобытнообщинного строя, имели существенные сходства в формах их социально-экономической организации.

Хозяйство аборигенов Нижнего Амура и Приморья, его организация и особенности промыслов сложились на местной дальневосточной основе. Исследователи относят его к хозяйственно-культурному типу рыболовов, охотников и собирателей больших рек, обладающему комплексным, натуральным характером.

В юридической науке в понятие собственности включаются следующие три составляющие: владение, пользование и распоряжение². Рассмотрим реализацию данного принципа на примере промысла народов Приамурья и Приморья.

Традиционно коренное население сообща владело промысловыми участками, ранее закрепленными за конкретным родом. Изначально родовые земли распределялись по легко различимым естественным рубежам, таким как протоки, горные хребты, острова, заливы, озера и прочее. К примеру, «нанайский род Хэдэр охотился на реке Мухэни (приток Малой Кавы), а род Бельдай – на реке Большой Каве. Род Гаил (Гахир) имел охотничьи угодья по притокам реки Хунгари, в бассейне рек Хото, Пир, Мули, Акур, Хадин, а Самаргин – на левом берегу реки Элбинбин и в заливе Кэвур»³.

Ульчи рассказывают, «что раньше члены рода Уды охотились в бассейне реки Пильду, Аимка – на реке Бичи, а часть рода Росугбу осваивала участки, примыкающие к Чертову озеру. Однако Аимка пришли с Амгуни на реку Бичи сравнительно недавно: около двух столетий назад 3 – 4 семьи поселились на реке Бичи, никем не занятой»⁴.

В своих исследованиях В.К. Арсеньев не раз отмечал, что удэгейцы не знают раздела земли, равно как и раздела воды и воз-

¹ История и культура удэгейцев. – Л.: Наука, 1989. - С. 60.

² Сергеев А.П. Гражданское право / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. В 3-х т. Т. 1. – М.: Проспект, 2000. - С. 338.

³ История и культура нанайцев: Историко-этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2003. - С. 41.

⁴ История и культура ульчей. Историко-этнографические исследования. – СПб.: Наука, 1994. - С. 116.

духа, которыми пользуются наравне и люди, и животные: «Кто где хочет, тот там и селится»¹. Однако данная норма обычного права фактически применялась только при выборе места обитания и не распространяла свое действие на промысловые угодья этноса.

У всех народов Нижнего Амура и Приморья неукоснительно соблюдался древний родовой обычай: «рыбак и охотник никогда не мешал промыслять человеку, занявшему этот участок до него»².

Территории промысловых угодий зависели и от того, какой зверь являлся объектом промысла. Принимая во внимание тот факт, что в XIX веке главным промысловым животным был соболь, рассмотрим распределение права собственности на промысловые участки для охоты на пушного зверя среди аборигенов исследуемых регионов.

Нормами обычного права было предусмотрено, что хозяином промысловых охотничьих угодий становился род, «первым поставивший свои петли, ловушки и самоловы» на их территории³. Представители других родов, прибывшие позднее в их поселение, обязаны были получить согласие членов рода, в чьей собственности находилось данное охотничье угодье. Нарушение установленных нормами правил приводило к конфликтам.

Фактически же члены рода - владельцы промысловых угодий - обладали лишь правом пользования промысловыми угодьями. Без общего согласия рода никто не мог пустить на них представителей других родов. Также отдельные члены рода не обладали правом распоряжения промысловыми участками, а именно не могли обменять или продать землю угодий. Исследователями зафиксированы случаи, когда при заключении дружественных союзов дога допускалась передача части традиционной территории рода вместе с женщиной другому роду, в ответ на что род в целях установления родственных отношений дарил свою территорию и женщину.

На занятые каким-либо родом охотничьи угодья распространялись традиции наследственности. Дети всегда ходили на охоту в места промысла своих отцов и дедов. Императивными нормами обычного права был закреплен переход охотничьих угодий по наследству от отца к сыновьям. Многие охотники из года в год охотились в каком-либо одном районе. Здесь охотник строил жилище, служившее ему много лет, чистил участок, если это было необходимо. Освоив данное место и привыкнув к нему, охотник потом приводил сюда своего сына или племянника, и они учились охотничьему ремеслу, а затем по традиции охотились здесь. Если в данный промысловый район приходил новый охотник, он спрашивал у стариков, где есть свободные места для охоты и промыслял там, где ему указывали. Вот как описывает данный принцип у удэгейского народа В.К. Арсеньев. «Редко удэхейцы

¹ Арсеньев В.К. Лесные люди удэхейцы. – Владивосток: Примиздат, 1926. - С. 18.

² Охотники, собиратели и рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. – Л.: Наука, 1972. - С. 275-276.

³ Охотники, собиратели и рыболовы. - С. 192.

соболуют в компании, редко даже два человека – в большинстве случаев они охотятся в одиночку. У каждого свой район, свое место, доставшееся ему в наследство от отца и деда. Здесь, в горах, в маленькой юрте проводит он долгие зимние месяцы»¹.

Промышляя из поколения в поколение, зачастую малочисленное туземное население размещало на своих угодьях сезонные постройки, которые имели важное значение при определении границ промысловых угодий. Зачастую при охоте на менее ценных зверей, нежели пушнина, территория промысла определялась по принципу «кто место займет, тот и будет ловить»².

Обычно представление о родовой территории ассоциировалось у аборигенов, прежде всего, с селением, где они проживали, а не с рыболовными или охотничьими угодьями. Но фактически в XIX веке члены одного рода жили в разных селениях, а рыбачили и охотились также в разных местах. В случае смерти охотника добычу из его ловушек отдавали жене покойного, так как по древним нормам право собственности на продукты промысла принадлежало семье охотника.

Представителям других этносов разрешалось охотиться на территории промысловых угодий владеющего ими рода также только с получения разрешения. Этот немаловажный факт свидетельствует о наличии арендных отношений в институте хозяйствования народов Дальнего Востока.

С приходом русского населения на территорию региона существующая меновая торговля стала заменяться денежной, что существенно расширило рынок сбыта. Русские шли в новые земли не с одними только завоевательными целями, их больше манило обилие дорогой пушнины и жажда к наживе. Объем пушнины на продажу стал резко возрастать, расширился ее ассортимент. Бешеный спрос на пушнину заставил орочей, ульчей, нанайцев и других охотников амурских и приморских земель удлинить не только срок промысловой охоты на соболя, но и значительно увеличить его добычу. В конечном итоге все это привело к резкому сокращению зверя. Основным промысловым животным в жизни туземного населения во второй половине XIX века был соболь, однако в местах расселения коренных народов год от года его становилось все меньше и меньше, что заставляло охотников ходить в весьма отдаленные районы.

Иные традиции и нормы регулировали осуществление охоты на крупных животных, таких как лось, олень, медведь. За копытными животными охотникам зачастую приходилось ходить несколько дней в целях преследования. В случае добычи животного вблизи чужого селения охотник все равно сохранял право собственности на продукт промысла. Следовательно, при охоте на крупных животных принцип родовой собственности на охотничьи угодья не действовал.

Мировоззрением амурских и приморских коренных жителей не допускалось убивать большее количество животных, нежели

¹ Арсенев В.К. Лесные люди удэгейцы. - С. 25.

² Охотники, собиратели и рыболовы. - С. 194.

требовалось семье для выживания. «Напрасно стреляй – худо, грех!»¹.

Особое отношение у аборигенов было и к тотемным животным, особенно к тигру. Веря в магическую силу животного, охотники старались свернуть в сторону при обнаружении следов тигра, так как это было предзнаменованием неудачи на промысле или большой опасности впереди².

В зверя, преследуемого тигром, древними нормами удэгейского народа запрещалось стрелять, равно как и присваивать охотником тушу животного, задавленного тигром. Нарушение подобного запрета было сродни воровству и могло привести к жестокой мести обиженного тотемного хранителя рода.

Но из общего правила почитания тотемов были и исключения. Если тигр нападал на человека, то такой зверь считался сумасшедшим (Амба) и ему объявляли кровную месть³. Закон кровной мести говорил о том, что для малочисленных этносов не было различия между человеком и тотемным зверем. Поэтому тигр должен был сполна получить наказание за свое преступление, как человек.

Обычное право туземцев регулировало и вопросы собственности на орудия промысла. Право индивидуальной частной собственности распространялось только на такие орудия труда, которые были изготовлены самими охотниками, все остальные средства производства находились в коллективной родовой собственности.

Черты первобытнообщинных отношений проявлялись в коллективных формах распределения продукта. Все продукты промысла являлись собственностью общины. Распределение строилось по уравнительному принципу вне зависимости от того, какова была степень участия того или иного члена рода в промысле. Данный принцип распространялся и на результаты индивидуального промыслового труда. «Первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех действиях» малочисленных этносов; трудами своей охоты они одинаково делились «со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставляли ровно столько, сколько давали другим»⁴.

Наличие такого неписаного правила было вызвано осознанием коренными этносами обязанности по обеспечению престарелых членов своего рода и сирот. Вот как распределение продуктов промысла происходило у удэгейцев по наблюдениям В.К. Арсеньева: «Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли домой муку, он не отдаст всего этого своей семье, он непременно поделится со всеми соседями»⁵.

Коллективное пользование распространялось и на таежные

¹ Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. – Владивосток: Примиздат, 1961. - С. 232.

² Кутнюк Ю. Человек и тигр: в прошлом и настоящем // Синегорье. – 2000. – 01 апреля. - С. 4.

³ Кутнюк Ю. Там же.

⁴ Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. - С. 308.

⁵ Арсеньев В.К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901 – 1911 гг.). – Владивосток: Примиздат, 1948. - С. 87.

охотничьи зимовья, которые всегда оставались незапертыми, несмотря на присутствие в них продовольственного и охотничьего запасов. Известный по рассказам В.К. Арсеньева нанаяц Дерсу Узала объяснял существующий обычай взаимовыручки и взаимопомощи во время промысла следующим образом: «Какой-какой другой люди ходи, ... балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди – пропади нету!»¹.

Во второй половине XIX века у туземных народов Дальнего Востока отсутствовала родовая или территориальная собственность на промысловые рыбные угодья. Характер пользования рыболовными промысловыми угодьями был связан со специфическими условиями лова. Рыболовные промысловые угодья на реках подвержены частым изменениям (меняется рельеф дна реки, мелеют одни участки, углубляются другие), поэтому рыбакам приходилось часто менять места лова. Наводнения разрушали заездки, изменяли качество зимних промысловых водоемов, что заставляло коренные этносы часто покидать одни рыболовные участки и переходить на другие.

Непостоянство условий промысла способствовало развитию принципов коллективного пользования промысловыми угодьями – как летними, так и зимними. Важнейшим фактором, отразившимся на свободном пользовании рыболовными угодьями, была обширность водных угодий по сравнению с численностью туземного населения. Никаких конфликтов из-за прибытия переселенцев в данное место, где прежде жили представители других родов и народов, обычно не происходило.

Традиционно аборигены Приамурья и Приморья занимались сезонной массовой заготовкой рыбы во время ее хода к нерестилищу. Исследуя быт нанайского народа, И.А. Лопатин отмечал следующие особенности коллективного труда данного этноса. «Работают все с мала до велика и работают удивительно дружно и старательно. Однако каждый работает не для себя одного, а на всю компанию, т.е. на все стойбище. Работы распределены между отдельными работниками соответственно полу и возрасту, а также в зависимости от индивидуальных способностей... Весь добытый запас рыбы распределяется между семьями стойбища не в соответствии с числом участвующих работников, а в зависимости от числа едоков. Кроме того, если к концу зимы у кого-нибудь выйдет запас юколы, то он обращается к соседям, и те дают из своих запасов беспрепятственно и совершенно бесплатно. Вообще, пользование запасами происходит у гольдов вполне в коммунистическом духе. Заготовленные пищевые продукты, как и жилище, считаются общими для всего стойбища, подобно воздуху и воде»².

Таким образом, в исследуемый период у орочей, ульчей, удегейцев и других народов Приамурья и Приморья все еще существ-

¹ Арсеньев В.К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901 – 1911 гг.). - С. 23

² Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. – Владивосток: Записки ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО, 1922. - С. 192.

вовали обычаи социального равенства при разделе продуктов охоты и рыболовства, а распределение земельных, рыболовных и охотопромысловых участков между родами и народами велось с соблюдением всех норм обычного права, являвшегося основным регулятором общественно-экономических отношений в традиционных обществах аборигенов, находящихся в стадии разложения первобытнообщинного строя. Указанные факты свидетельствуют в очередной раз о том, что первобытный коллективизм явился для туземных народов Дальнего Востока необходимым условием выживания, учитывая низкую производительность труда и нехватку пищи.

